

Вера Рудецкая

Лучшие
ДРУЗЬЯ
НЕ ЦЕЛУЮТСЯ

Вера Рудецкая

Лучшие друзья не целуются

<https://litres.ru/73585859>

SelfPub; 2026

Аннотация

Предновогодняя суета, кафе забито студентами, за окном падает снег — а я одна, грею в ладонях чашку.

И вдруг появляется мой старый друг. Между нами одна ошибка, за которой последовали годы молчания.

Что сказать теперь? Простое «привет»? Или признаться, что всё это время думала о нём?

Нельзя. Ведь лучшие друзья не влюбляются... даже в Новый год.

Или всё-таки да?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Вера Рудецкая

Лучшие друзья не целуются

Пролог

Я ненавижу декабрь.

Искренне, всей душой ненавижу этот месяц, когда мир сходит с ума. За окном, запотевшим от перепада температур, город пульсирует огнями. Люди спешат, скользят на льду, тащат огромные, шуршащие пакеты с подарками, сталкиваются плечами и смеются. У них внутри – предвкушение чуда, шампанское и бой курантов. У меня – сквозняк. Такой, от которого сводит зубы, и хочется надеть ещё один свитер.

Я сижу в самом дальнем углу кафе возле универа, за шатким деревянным столиком, и кутаюсь в огромный вязаный шарф. Напротив – пустой стул. Передо мной – остывший имбирный чай, к которому я даже не притронулась.

Пахнет булочками с корицей, влажными пальто посетителей и чужим счастьем. Этот приторный, удушливый коктейль забивается в нос, оседает на одежде невидимой плёнкой, и от него никуда не деться.

Экран телефона вспыхивает, разрезая полумрак столика холодным белым светом. Сообщение от Вадима. Я смотрю на уведомление несколько секунд, не спеша открывать. Мы должны были встретиться сорок минут назад. «Романтический ужин», как это называлось в нашем календаре.

Я провожу пальцем по экрану.

«Сонь, тут девять баллов. Стою на Садовом уже полча-

са, движения ноль. Смысл жечь бензин? Давай перенесём на выходные? Или закажи себе такси, встретимся у меня дома, пельмени сварю».

Я перечитываю слово «пельмени» и чувствую, как внутри поднимается волна раздражения. Не злости, нет. Злость – это сильное чувство, а у меня внутри всё давно выгорело. Это просто усталость. Вадим – хороший. Надёжный, рациональный, правильный. С ним не бывает эмоциональных качелей, с ним не нужно гадать, любит или нет. С ним всё понятно: пробки – значит, не едем. Ужин в ресторане – это лишние траты, если есть пельмени.

– Девушка, вы выбрали что-нибудь? Или будете ждать молодого человека?

Я вздрагиваю. Рядом с блокнотом наперевес стоит официантка. У неё на голове дурацкие оленьи рога из фетра, а на бейджике нарисована снежинка. Она улыбается так лучезарно, что мне становится физически больно.

– Нет, – голос звучит хрипло, будто я молчала неделю. – Никто не придёт. Можно мне счёт?

Она сочувственно кивает, и этот жалостливый взгляд жалит сильнее, чем мороз на улице.

– Может, десерт за счёт заведения? У нас отличный штрудель...

– Нет. Спасибо. Просто счёт.

Она уходит, а я снова утыкаюсь взглядом в окно. В стекле отражается мой силуэт – бесформенный кокон из шерсти.

Если Вадим не пришёл, это даже к лучшему. Наши отношения похожи на старую жвачку: вкус давно исчез, челюсть сводит от механических движений, а выплюнуть жалко – привычка.

Из колонок начинает тянуть новогодняя мелодия. Я морщусь и тру виски. Господи, ну сколько можно? Каждый год одно и то же. Одни и те же песни, фильмы, одинаковые надежды, которые первого января разбиваются о серую реальность, как ёлочная игрушка об пол. Осколки мелкие, собирать больно, и всё равно потом наступаешь на них пятками.

Колокольчик над входной дверью требовательно звякает. В душное помещение врываются клубы морозного пара, запахи выхлопных газов и громкий смех. По ногам сразу тянет холодом. Я инстинктивно вжимаю подбородок в шарф, мечтая стать невидимкой. Слиться со стеной, с тенью, исчезнуть.

В кафе вваливается компания парней. Четверо или пятеро. Они громкие, румяные с мороза, бессовестно живые. Они занимают собой всё пространство, заполняют эфир шутками и толкаются, стряхивая снег с курток. Они смеются так, будто у них нет ни дедлайнов, ни сессии на носу.

– Он реально думал, что проскочит! А потом – раз! – и полокоть в снег! – хохочет один из них, высокий, в тёмно-синей парке.

Что-то в этом голосе заставляет меня замереть. Рука, потянувшаяся за сумкой, висит в воздухе.

Сердце делает странный, болезненный кульбит, ударяется

о рёбра и пропускает удар. Я знаю этот тембр. Я не слышала его два с половиной года – около тысячи дней, если быть точной, – но, кажется, помню каждую интонацию. Его смех всегда был таким – с хрипотцой, заразительным. Рядом с ним любая проблема казалась решаемой.

Не может быть.

Я медленно, преодолевая сопротивление собственного тела, поднимаю глаза.

Парень стоит ко мне в профиль, стягивая капюшон. Плечи стали шире, разворот корпуса увереннее. Куртка дорогая, стильная, не то что тот дурацкий пуховик, который мы выбирали ему на распродаже. Но жест...

Тот самый жест, когда он взъерошивает мокрые от снега волосы пятернёй, откидывая чёлку назад.

В голове вспышкой проносится воспоминание: школьный двор, снежок, попавший ему за шиворот, его возмущённый вопль и такое же движение рукой по мокрым волосам. А потом он валит меня в сугроб, и мы смеёмся, глядя в зимнее небо...

Воспоминание такое яркое, что я почти чувствую радость того дня.

Он поворачивает голову, ища свободный столик для своей компании.

Мир вокруг схлопывается.

Гул голосов, звон бокалов, назойливая музыка – всё превращается в белый шум. Исчезает кафе, исчезает Вадим с его

пельменями, исчезает моя взрослая жизнь. Остаётся только он.

Артём.

Мой лучший друг. Личный сорт катастрофы. Человек, который научил меня не бояться быть собой, а потом показал, как больно бывает, когда открываешься слишком сильно. Человек, который два с половиной года назад подарил мне крылья, чтобы в ту же ночь обломать их под бой курантов.

Он продолжает улыбаться чему-то, что сказал его друг. На щеке появляется знакомая ямочка.

Время – странная штука. Говорят, оно лечит, стирает острые углы, но сейчас мне кажется, что не было этих двух с половиной лет. Что я всё та же наивная дура в блестящем платье, которая стоит посреди актового зала и верит, что поцелуй что-то значит.

Внезапно он перестаёт смеяться. Резко. Будто споткнулся. Или почувствовал мой взгляд – раньше у нас была эта связь, мы чувствовали друг друга без слов.

Артём оглядывает кафе. Скользит взглядом по лицам незнакомцев, по барной стойке, по гирляндам... и натывается на меня.

Секунда. Две. Вечность.

Воздух в кафе заканчивается. Мне нечем дышать.

Улыбка медленно сползает с его лица, сменяясь выражением неверия. Он моргает, словно надеется, что я – галлю-

цинация, наведённая парами глинтвейна.

Я хочу вскочить, выбежать через чёрный ход, раствориться в метели. Но будто прирастаю к стулу, а пальцы до победения сжимают холодную чашку.

Он делает шаг в мою сторону. Один неуверенный шаг, который перечёркивает мою спокойную, распланированную, безопасную жизнь, выстроенную на руинах прошлого.

Привет, моя несбывшаяся мечта. Привет, мой самый лучший друг.

С наступающим меня...

Глава 1

Пять лет назад. 9-й класс

Память отматывает плёнку назад с противным скрипом. Картинка дёргается, теряет цвета, становясь тошнотворно-серой, как школьные коридоры в пасмурный день.

Декабрь, девятый класс. Время, когда я ещё не умела ненавидеть.

В школе пахнет хлоркой, краской и пыльными шторами. К этому коктейлю примешивается запах корки мандарина, которую кто-то крошит на батарее, и дешёвого дезодоранта, которым мальчишки поливают себя в раздевалке после физкультуры.

Я иду по коридору второго этажа, стараясь не дышать. В руках – картонная коробка, которая кажется тяжелее, чем ведро помидоров у бабушки на даче.

– София, только аккуратно! – визгливый голос Зои Петровны, нашего завуча, догоняет меня уже у лестницы. – Это ещё советское стекло! Сейчас такие не делают. Если разобьёшь – аттестат будешь по осколкам собирать!

Я киваю пустоте и прижимаю коробку к груди.

На мне объёмный белый свитер крупной вязки – моя броня, мой кокон, мой способ сказать миру: «Меня здесь нет». Свитер колется, шея чешется, но я терплю. Лучше чесаться, чем чувствовать себя голой под взглядами одноклассни-

ков. Который день рассказываю классной сказку, что жилет от формы в химчистке.

Вокруг творится предновогодний хаос. Уроки отменили ради украшения школы, и теперь кучка подростков, ошалевших от законной свободы, носятся по этажам. Кто-то намазывает мишуру на бюст Пушкина, кто-то пытается приклеить снежинки к потолку, подбрасывая их на мокрой вате. Гвалт стоит такой, что закладывает уши.

Моя задача: донести «священные реликвии» (набор стеклянных шаров 80-го года) до актового зала и раствориться в воздухе. Не люблю быть заметной.

– Поберегись!

Крик раздаётся слишком близко. Я не успеваю среагировать.

Мимо меня проносится вихрь. Точнее, это не вихрь, а Артём Ларин со своей свитой. Громкий, наглый, бесячий Ларин. Звезда футбольной команды, головная боль учителей и предмет влажных мечтаний половины девочек из параллели.

Он бежит спиной вперёд, отбиваясь от приятеля свёрнутым в трубку ватманом, и хохочет так, что вибрируют стёкла в рамах. Он занимает собой всё пространство. Ему плевать на правила, на коридор, на меня.

Особенно на меня.

– Артём, сзади! – кричит кто-то, но поздно.

Он резко разворачивается, делая широкий жест, будто забивает решающий гол и врывается в меня.

Удар приходится в плечо. Жёсткий, сильный.

Мир кренится. Ноги в скользких сменных туфлях теряют сцепление с полом. Я падаю некрасиво – заваливаюсь набок, больно ударяясь бедром.

Коробка вылетает из рук.

Время замедляется. Я вижу, как она падает, переворачиваясь. Вижу, как открывается крышка. Вижу тусклый блеск старого стекла.

Бдзынь.

Этот звук страшнее, чем крик директрисы и завуча вместе взятых. Звонкий и хрустящий одновременно.

В коридоре наступает тишина.

Я сижу на полу, чувствуя, как от стыда горят щёки. Мне кажется, что температура моего лица сейчас расплавит всё вокруг. Осматриваюсь. Серебристые сосульки, шары с росписью, стеклянная шишка... Всё превратилось в мелкое, сверкающее крошево.

Артём замирает. Его улыбка – широкая, самодовольная – медленно сползает с лица, сменяясь выражением испуга. Он смотрит на осколки, потом на меня. В его глазах нет сочувствия. Только удивление. У него с начала сентября – сплошные выговоры. Следующий – это вызов родителей и исключение из команды.

– Что здесь происходит?!

Голос Зои Петровны разрезает тишину. Она возникает из ниоткуда, грузная, в своём вечном фиолетовом пиджаке, по-

хожая на грозовую тучу.

Она видит осколки. Её лицо багровеет.

– Грунёва! – Она путает мою фамилию, как всегда. Я Гринёва. Но сейчас это не важно. – Ты хоть понимаешь, что ты наделала?! Это же школьный фонд! Это история!

Я открываю рот, чтобы сказать правду. Что меня толкнули. Что я не виновата. Воздух застревает в горле, превращаясь в немой хрип. Я смотрю на Артёма.

Ну же. Скажи ей. Будь мужиком, как ты любишь кричать на физкультуре.

Артём переводит взгляд с меня на разъярённого завуча. Он облизывает пересохшие губы. Делает шаг назад, увеличивая дистанцию между нами.

– Зоя Петровна, – его голос звучит уверенно, даже с ноткой праведного возмущения. – Я иду, никого не трогаю, а она... она, видимо, в свитере запуталась. Споткнулась на ровном месте. Я даже поймать не успел.

Что?

У меня внутри что-то обрывается. Тонкая струна доверия к миру лопается с таким же звуком, как те шары минуту назад.

А ведь... Он мне нравился. Так долго, как я себя помню. С первого класса, когда он отдал мне свой бутерброд с колбасой. С третьего, когда заступился перед старшеклассниками. С пятого, когда однажды учил меня кататься на велосипеде и бежал рядом, держа за сиденье. Все эти годы я мечтала, что

когда-нибудь он меня по-настоящему заметит.

– Споткнулась? – Зоя Петровна переводит испепеляющий взгляд на меня. – Грунёва! У тебя не руки, а крюки! Встань немедленно!

– Но он... – мой голос дрожит, жалок и тих. – Он меня толкнул...

– Врушка! – перебивает Артём. Он смотрит на меня в упор, и в его глазах я вижу холодное, жёсткое предупреждение. – Весь коридор видел. Ты сама упала. Неуклюжая, как... как снеговик.

Кто-то из его свиты хихикает. Смешок подхватывают. Через секунду смеётся уже половина коридора.

– Хватит! – рявкает завуч. – Ларин, марш в класс. А ты, Грунёва... Бери веник, совок, и чтобы через пять минут здесь было чисто. И не дай бог, хоть один осколок останется. Потом зайдёшь ко мне, будем думать, как ты будешь возмещать ущерб.

Артём разворачивается и уходит. Он даже не оглядывается. Его плечи расслаблены, походка снова пружинистая. Он победил.

А я остаюсь посреди коридора.

Слёзы подступают к глазам – горячие, злые. Я кусаю губу до крови, чтобы не разрыдаться при всех. Дрожащими руками начинаю собирать крупные куски стекла. Острый край царапает палец, выступает капля крови, яркая на фоне белого свитера.

Мне не больно. Мне холодно.

На следующий день я надеюсь, что все забыли. У школьников память как у рыбок гуппи – три секунды, и новый инфоповод.

Я ошибаюсь.

Когда я вхожу в школу, кутаясь в тот же белый свитер (другого тёплого у меня просто нет), у раздевалки стоит компания Артёма.

– О, гляди, Снеговик пришёл! – громко объявляет Денис, завидев меня.

– Почему Снеговик? – ржёт Пашка.

– Ну так белая, круглая и при ходьбе разваливается! – Денис демонстрирует пантомиму, изображая неуклюжее падение.

Громкий гогот бьёт по ушам. Только Артём не смеётся – он смотрит на меня.

Я вжимаю голову в плечи, мечтая провалиться сквозь бетонный пол в подвал.

Прозвище прилипает мгновенно. «Снеговик». «Снежная баба».

Прохожу мимо, глядя в пол. Сердце колотится в горле. Я добираюсь до своего класса, кидаю рюкзак на парту и падаю на стул. Хочется стать маленькой, микроскопической, исчезнуть на молекулярном уровне.

– Эй, Гринёва, – шепчет соседка по парте, Катька, с кото-

рой мы иногда делимся домашкой. – У тебя там... посмотри.

Она кивает на мой учебник алгебры.

Я опускаю взгляд.

На обложке лежит сложенный вдвое тетрадный листок. Я медленно разворачиваю его.

Это рисунок. Карандашный набросок, выполненный талантливо, уверенной рукой. На нём изображён бесформенный, толстый снеговик в огромном свитере. Вместо рук у него – кривые ветки-крюки, из которых сыплются ёлочные шары. У снеговика моё лицо – испуганные глаза, кривой рот.

А внизу размашистая подпись: «Осторожно, гололёд головного мозга».

Кровь отливает от лица. Пальцы дрожат, когда я комкаю листок. Жестокий и совершенно детский поступок.

Оборачиваюсь.

Артём сидит через ряд, на «камчатке», и смотрит на меня. Развалился на стуле, крутит ручку в пальцах. Рядом с ним Денис и ещё пара мальчишек – все ждут шоу. На губах Артёма играет ухмылка – торжествующая, злая. Он ждёт. Ждёт, что я заплачу, убегу, пожалуюсь учительнице. Ждёт моей слабости.

В носу щиплет, но слёзы вдруг высыхают. Где-то внутри, под слоями страха, стыда и комплексов, рождается новое чувство. Оно холодное, твёрдое и острое, как тот осколок, что вчера порезал мне палец.

Я медленно рву рисунок. На мелкие кусочки, не отводя

взгляда от его лица.

Смотрю прямо в наглые, смеющиеся глаза, не моргая.

Ты думаешь, я растаю, Ларин? Думаешь, растекусь лужей у твоих ног?

В этот момент умирает «серая мышка» Соня Гринёва. Рождается кто-то другой. Холодный. Колючий. Злой.

Пишу ответную записку: «Ты даже не представляешь, на что способен снеговик, когда наступают заморозки». Сминаю её и бросаю на заднюю парту.

Глава 2

Четыре года назад. 10-й класс

Декабрь – это хроническая болезнь. Она обостряется ровно первого числа и не отпускает до самого января. Год назад я думала, что умру от этой болезни. Что захлебнусь стыдом, растворюсь в своём белом свитере и исчезну.

Тот год стал для меня не просто временным отрезком – он стал шрамом. Длинным, уродливым шрамом, разделившим жизнь на «до» и «после».

Если раньше Артём меня попросту не замечал, то теперь, казалось, он жил только для того, чтобы меня задеть.

Когда-то при виде Артёма я замирала от трепета, то теперь – от желания ударить побольнее. И я била. Не кулаками – словами, взглядами, ледяным равнодушием.

Помню, как через месяц после «инцидента» с игрушками он попытался зажать меня у подоконника в пустом коридоре. Привычным, хозяйским жестом упёр руку в стену возле моего лица, нависая, подавляя своим ростом и запахом – терпким, сводящим с ума. Раньше я бы вжалась в штукатурку, краснея до корней волос. Но в тот раз я лишь медленно подняла взгляд. Внутри всё дрожало, но снаружи я была сталью.

– Убери руку, – тихо сказала я.

– А то что? – он ухмыльнулся той самой улыбкой, от которой у половины школы подкашивались ноги. – Заплачешь?

Я не отвела глаз.

Достала из кармана циркуль – я как раз шла с геометрии – и демонстративно, но спокойно поднесла остриё к его запястью. Едва касаясь кожи.

– А то будет больно, Артём. Кровь на белой рубашке – это так неэстетично.

Он отшатнулся так резко, словно его ударило током. В его глазах я впервые увидела не насмешку, а растерянность. Он понял: жертвы больше нет.

Другой раз случился в столовой. Он специально задел меня плечом, проходя мимо с подносом, явно рассчитывая, что я пошатнусь или уроню свой обед. Старый трюк. Я не просто устояла. Я сделала шаг навстречу, жёстко встречая удар плечом в плечо. От неожиданности он сам потерял равновесие, и его стакан с чаем плеснул горячей жидкостью ему же на джинсы. В столовой повисла тишина. Все ждали, что он взорвётся. А я просто перешагнула через лужу и бросила через плечо:

– Координация страдает, Ларин? Может, стоит меньше смотреть по сторонам и больше – под ноги?

Я училась жалить в ответ. Если он пытался задеть меня шуткой – я отвечала сарказмом, от которого вяли уши даже у учителей. Если он пытался играть в гляделки – я смотрела сквозь него, как сквозь грязное стекло. Я стала ежом, к которому невозможно прикоснуться, не исколов пальцы в кровь. И каждый мой укол был криком: «Не подходи. Не трогай. Никогда больше».

Та Соня Гринёва, которая верила в справедливость и розовых пони, растаяла вместе со снегом. На её месте выросла другая. У новой Сони ледяная броня, острый язык и аллергия на идиотов.

И снова Новый год подкрался к порогу.

Я иду по школьному коридору, чеканя шаг. Десятый класс. Мы «элита», как любит повторять директриса, но по факту – всё тот же зоопарк, только звери стали крупнее.

У расписания толпится привычная стая. Ларин и его свита. Артём сидит на подоконнике, небрежно свесив ногу, и крутит в руках телефон. Он стал выше, раздался в плечах. Волосы теперь подстрижены модно, а не как у одуванчика, но наглый прищур остался прежним.

Я хочу проскочить мимо, стать невидимкой, но Денис – верный оруженосец короля – меня замечает.

– О, какие люди! – гогочет он, пихая Артёма локтем. – Гляди, Снеговик не растаял за лето!

Год назад я бы покраснела. Втянула бы голову в плечи и убежала рыдать в туалет. Но после случая с игрушками я просто останавливаюсь. Медленно поворачиваю голову. Смотрю на Дениса так, будто он – пятно плесени на стене.

– Денис, у тебя пластинка заела, – говорю я спокойно. Голос не дрожит. – Или мозг замёрз? Могу одолжить шапку, хотя вряд ли поможет. Там греть нечего.

По коридору проносится тихий смешок. Кто-то из десятиклассниц прыскает в кулак. Денис багровеет, открывает рот,

чтобы выдать новую гадость, но затыкается.

Я перевожу взгляд на Ларина. Жду удара. Жду, что он сейчас добьёт меня, как раньше.

Но Артём молчит. Он смотрит на меня странно. Не зло, не с насмешкой. С каким-то ленивым интересом, как учёный смотрит на подопытную мышь, которая с каждым разом всё лучше делает сальто. Уголок его губ ползёт вверх.

– Один ноль в пользу Гринёвой, – лениво бросает он и отворачивается к окну.

Я выдыхаю, только когда заворачиваю за угол. Сердце колотится где-то в горле, но это победа. Маленькая, глупая, но победа.

– Гринёва! Ларин! А ну, стоять!

Этот голос мне будет сниться в кошмарах до конца жизни. Зоя Петровна материализуется из воздуха, как злой джинн в фиолетовом пиджаке. Она всё такая же необъятная и громогласная.

Мы с Артёмом, который, как назло, оказался рядом, замираем одновременно.

– Попались, голубчики, – она сверлит нас взглядом. – У Гринёвой – долг по дежурству с прошлой недели. А ты, Ларин... Ты опять сорвал урок химии?

– Я проводил эксперимент, Зоя Петровна, – Артём включает своё фирменное обаяние, от которого тают училки младших классов. Но на завуча это не действует.

– Экспериментатор! – рывкает она. – Оба за мной. В архив.

– Зачем? – хором спрашиваем мы.

– Там коробки с костюмами для ёлки. Деда Морозы, Снегурки, зайцы какие-то... Найдёте коробку с бородой из ваты и красным халатом. И пока не принесёте мне в кабинет – домой не уйдёте.

Она тащит нас на первый этаж, к тяжёлой железной двери под лестницей. Это старая подсобка, которую все называют «архивом», хотя там хранится только вековая пыль и хлам, который жалко выбросить.

Зоя Петровна гремит связкой ключей, открывает дверь. В нос бьёт запах сырости и старой бумаги.

– Вперёд, – командует она. – Свет включается справа. И без фокусов мне!

Мы заходим внутрь. Помещение тесное, забитое стеллажами под самый потолок. Здесь холодно, намного холоднее, чем в коридоре.

Я щёлкаю выключателем. Тусклая лампочка под потолком мигает и нехотя загорается, заливая всё жёлтым, болезненным светом.

– Ищите! – голос завуча звучит уже глуше.

Дверь за нами захлопывается. Слышен тяжёлый, скрежещущий звук. Щелчок.

Артём дёргает ручку.

– Заперто, – констатирует он. – Эй! Зоя Петровна! Вы нас закрыли! Не смешно!

Тишина. Только гудение старых труб где-то в стене.

– Она, наверное, ушла в учительскую, – говорю я, стараясь подавить панику. – Сейчас вернётся. Не могла же она нас тут бросить.

Артём пинает дверь кроссовком.

– Отлично, – он разворачивается и прислоняется спиной к двери. – Просто супер. Я застрял в пыльном склепе со Снеговиком. День удался.

– Не называй меня так, – огрызаюсь я. – И это из-за твоих экспериментов мы тут. Мог бы сидеть на химии молча.

– А ты могла бы дежурить вовремя, – парирует он. – Не зуди.

Он достаёт телефон, поднимает его вверх, ловя сеть.

– Пусто. Связи нет.

Я достаю свой. «Нет сети».

Мы молчим. Минуту, две, пять. Время в замкнутом пространстве становится тягучим, как мёд. Я начинаю перебирать коробки на ближайшем стеллаже, просто чтобы не смотреть на него. Старые журналы, связки газет, сломанный глобус...

– Нашла что-нибудь? – голос Артёма звучит скучающе. Он нашёл какую-то облезлую шапку-ушанку, напялил её набекрень и теперь подкидывает в руке теннисный мячик, который тоже выудил из хлама.

– Только пыль, – бурчу я.

И в этот момент лампочка над головой издаёт жалобный треск. Вспыхивает ярче солнца – и гаснет.

Темнота наваливается мгновенно. Плотная, густая, абсолютная.

Я вскрикиваю. Это рефлекс. Я не боюсь темноты, я боюсь того, что в ней. Неизвестности.

– Спокойно, – голос Артёма звучит из темноты, но теперь в нём нет насмешки. – Похоже, пробки выбило. Или лампочка сдохла.

В темноте загорается луч фонарика. Артём светит в потолок, и тени от стеллажей превращаются в длинных уродливых монстров.

Становится тише. И холоднее. Или это меня начинает колотить изнутри?

Я ненавижу холод. Он напоминает мне тот день, когда я потерялась в детстве, и мама долго не могла меня найти.

Меня начинает трясти. Мелкой, противной дрожью. Я обхватываю себя руками, растираю плечи, но это не помогает. Холод пробирается под тонкую блузку, вгрызается в кости.

Я сползаю по стене и сажусь на корточки, прижимаясь спиной к стеллажу. Зубы начинают выбивать дробь.

– Эй, Гринёва, ты чего? – луч фонарика мечется, выхватывает моё лицо. – Ты там живая?

Я хочу ответить колкостью, хочу сказать «отвали», но получается только жалкий всхлип.

– Х-холодно...

Артём подходит ближе. Я щурюсь от света. Он садится передо мной на какой-то ящик. Теперь я не вижу его лица,

только силуэт за слепящим пятном света.

– Ну ты даёшь, – бормочет он. – Реально дрожишь.

Я слышу шуршание ткани. Молния расстёгивается.

– На, – на мои плечи опускается что-то тяжёлое, тёплое и пахнущее... Им.

Его толстовка. Она огромная, нагретая его телом. Она пахнет дорогим парфюмом – чем-то цитрусовым, с горчинкой, и совсем немного – табаком. Этот запах окутывает меня, создавая кокон безопасности.

– Не надо... – шепчу я, пытаюсь сбросить вещь. – Забери. Я не приму от тебя...

– Заткнись и грейся, – обрывает он. Грубо, но в этой грубости нет злости. – Ещё не хватало, чтобы ты тут в ледышку превратилась. Зоя меня тогда точно убьёт.

Я замираю. Тепло его тела, оставшееся в ткани, начинает просачиваться сквозь мою блузку. Дрожь понемногу утихает.

Мы сидим в темноте, в круге света от телефона, который он положил на полку. Тишина больше не звенящая, она какая-то... ватная.

– Почему ты такой? – вопрос вырывается сам собой. Я не планировала это спрашивать.

– Какой? – он опирается локтями на колени. Сейчас он в одной футболке, и я вижу, как напряглись мышцы на его руках. Ему тоже холодно, но он терпит.

– Такой... гад, – я прячу нос в воротник его толстовки.

Артём молчит долго. Я думаю, что он сейчас снова отшутится, скажет про «гололёд головного мозга» или пошлёт меня.

– Не знаю, – его голос звучит тихо. Глухо. Так не говорят короли школы. Так говорят обычные люди.

Я поднимаю глаза. Он смотрит в пол, разглядывая пыльные доски.

– Отец, – продолжает он, будто выдавливая слова через силу. – В первый раз – из-за отца. У нас был уговор. Ещё один залёт в школе – и никакого футбола. Никаких гулянок. Кадетский корпус в другом городе. Он не шутил, Сонь. Он у меня... жёсткий мужик. Когда Зоя начала орать... я просто запаниковал. Ляпнул первое, что пришло в голову, чтобы прикрыть задницу.

Он замолкает. В тишине слышно, как тяжело он дышит.

– Я знаю, что это дерьмовый поступок, – добавляет он, всё так же не глядя на меня. – Я хотел потом подойти. Извиниться. Но как-то... всё завертелось. Ты стала «Снеговиком», все ржали, а я... Я просто плыл по течению. Так проще.

У меня внутри что-то щёлкает. Тонкая струна ненависти, которую я натягивала целый год, вдруг ослабевает. Не рвётся, нет. Я всё ещё помню каждую нашу стычку. Помню рисунок. Но теперь я вижу перед собой не монстра. А просто испуганного пацана.

Это не делает его героем. Но это делает его понятным.

– Ты идиот, Ларин, – говорю я тихо.

– Знаю, – он усмехается, но грустно. – Прости, Гринёва. Правда. За всё это дерьмо.

Я не успеваю ответить.

В замке скрежещет ключ. Дверь распахивается с грохотом, и в подсобку врывается яркий свет коридора, от которого режет глаза.

– Вы чего тут?! – голос школьного сторожа, дяди Вани. – Всё нашли? Зоя Петровна отправила меня дверь открыть...

Мы шуримся, как кроты, которых вытащили на солнце.

Артём вскакивает первым. Протягивает мне руку. Я смотрю на его ладонь, потом на его лицо. Игнорирую руку, встаю сама, придерживая на плечах его толстовку.

Мы вываливаемся в коридор.

– Артём! – навстречу нам несутся Денис и Пашка. Они, видимо, ждали его у выхода из школы.

Денис тормозит, глядя на нас. Его взгляд скользит по Артёму в футболке, потом по мне – закутанной в узнаваемую толстовку с логотипом бренда.

Лицо Дениса расплывается в гадкой ухмылке.

– О-о-о! – тянет он. – Ларин, ты чего, разделся ради Снеговика? Вы что там делали в темноте? Грелись трением? Гринёва, ты смотри, растаешь от страсти!

Я замираю. Рефлекс срабатывает – хочется сжаться. Я начинаю стягивать толстовку, чтобы швырнуть её Артёму и убежать.

Но Артём делает шаг вперёд. Он закрывает меня собой от

Дениса.

– Заткнись, Ден, – голос Артёма режет воздух. Холодный, жёсткий, стальной. Тот самый голос, которого я боялась, но сейчас он направлен не на меня.

Улыбка сползает с лица Дениса.

– Тём, ты чё? Я ж пошутил...

– Хреновые у тебя шутки, – Артём смотрит ему прямо в глаза. – Она нормальная девчонка. Ещё раз услышу про Снеговика или какую-то дичь в её адрес – получишь в табло. Я серьёзно.

Повисает тишина. Пашка открывает рот, но не издаёт ни звука. Денис растерянно моргает, переводя взгляд с друга на меня и обратно.

Артём поворачивается ко мне.

– Оставь, – он кивает на толстовку. – На улице минус двадцать. Завтра вернёшь. До завтра, Гринёва, – бросает он и идёт к выходу, толкая плечом офигевшего Дениса.

– Пошли, придурки, – кидает он своей свите.

Я стою посреди коридора, кутаясь в чужую одежду, которая всё ещё хранит его тепло.

Завтра. Он сказал – завтра.

В кармане толстовки что-то шуршит. Я опускаю руку и нащупываю сложенный листок. Разворачиваю дрожащими пальцами.

Одна строчка его почерком: «Жди во дворе после последнего урока».

Глава 3

Три года назад. 11-й класс

Декабрь в одиннадцатом классе ощущается как финишная прямая, на которой внезапно выключили свет и разлили масло. Школа гудит, словно потревоженный улей: подготовка к Зимнему балу превратилась в национальную идею, а запах мандариновой кожуры и дешёвых блёсток пропитал даже стены кабинета физики.

Я стою у окна в коридоре, прижимаясь лбом к холодному стеклу. На мне всё тот же белый свитер – мой верный кокон, ставший за этот год легендой школы. Но теперь никто не смеет называть меня «Снеговиком» в лицо. По крайней мере, если в радиусе десяти метров находится Артём Ларин.

Прошёл ровно год с того дня, как мы оказались заперты в пыльном архиве. Один год – это триста шестьдесят пять дней, за которые мой личный «сорт катастрофы» превратился в моего лучшего друга. Мы теперь «не разлей вода», и это до сих пор шокирует учителей и заставляет Дениса с Пашкой недоумённо чесать затылки.

Мы лучшие друзья.

Просто друзья.

Я повторяю это себе как мантру каждое утро, когда вижу его улыбку с той самой ямочкой на щеке.

– Гринёва, ты опять впадаешь в анабиоз? – знакомый го-

лос с хрипотцой раздаётся прямо над ухом.

Я не оборачиваюсь. Я и так знаю, что он сейчас сделает.

Артём облакачивается на подоконник рядом, обдавая меня запахом морозного воздуха и парфюма – цитрусового, с горчинкой, которую я научилась узнавать из тысячи.

– Смотрю на Стаса, – честно отвечаю я, кивнув во двор.
– Он сегодня в красной куртке. Как маяк.

Стас из «Б» класса – моя попытка «выбить клин клином». Он симпатичный, играет на гитаре и, что самое важное, он не Артём Ларин. Рядом с ним моё сердце не пытается пробить рёбра и не устраивает чечётку.

– Маяк для идиотов? – едко отзывается Артём. – У него же на лице написано: «Я не умею читать ничего сложнее инструкции к освежителю воздух в туалете». Соня, у тебя катастрофически падает планка.

– Тебя не спросила, – я, наконец, поворачиваюсь к нему, скидывая подбородок. – Он нормальный. И он, в отличие от некоторых, не закидывает людей снежками просто потому, что у него плохое настроение.

Артём щурится, и в его глазах вспыхивает опасный огонёк, который я видела уже много раз.

– Идём, – он резко хватается меня за локоть и тянет к выходу. – Покажем твоему маяку, что такое настоящий адреналин.

Мы вываливаемся во двор. Холодный воздух тут же кусает за щёки, но мне тепло в этой суматохе.

Стас стоит у ворот в компании друзей. Он выглядит как картинка – идеальный, правильный и бесконечно умный.

– Сонь, смотри, – шепчет Артём, и в его голосе я слышу предвкушение катастрофы.

Всё происходит за секунды. Артём сгребает снег, на ходу формируя плотный снаряд, и с идеальной точностью запускает его в сторону компании «Б» класса. Снежок разбивается прямо о плечо Стаса, обсыпая его красную куртку белым крошевом.

– Эй, Ларин! Ты чего творишь?! – выкрикивает Стас, отряхиваясь.

– Координация страдает, Стасик? – хохочет Артём, не останавливаясь. – Смотри под ноги, а то рассыплешься!

Он продолжает атаку, превращая всё в шумную, агрессивную свалку. Друзья Стаса пытаются отбиваться, но Артём выше, быстрее и злее. Стас, бросив на меня короткий, полный недоумения взгляд, ретируется вместе со своей компанией. Мой шанс на приглашение на бал растворяется в морозном воздухе быстрее, чем пар от дыхания.

– Ты идиот! – я кричу это Артёму в лицо, когда мы остаёмся одни на заснеженном стадионе. – Ты всё испортил! Ты сам ни с кем не встречаешься и мне не даёшь!

Слёзы обиды обжигают глаза. Я злюсь на него, на себя, на декабрь. Артём стоит напротив, тяжело дыша. На его волосах тает снег, а лицо кажется непривычно серьёзным.

– Он тебе не нужен, Сонь, – тихо говорит он.

– А кто нужен? Ты? – я выпаливаю это раньше, чем успеваю подумать.

Повисает тишина, такая плотная, что её можно резать ножом. Мы стоим друг против друга, и между нами искрит что-то невидимое и пугающее.

– Пошли, – он берёт меня за руку. – Ты замёрзла.

Мы идём в кафе у школы – место, которое стало нашим убежищем. Там пахнет булочками с корицей и имбирным чаем. Садимся за шаткий столик в углу. Я дую на ладони, пытаюсь унять дрожь, а Артём молча пододвигает ко мне чашку горячего какао.

– Прости, – наконец произносит он, глядя в окно. – Я просто не выношу, когда ты смотришь на таких, как он.

– Нам нужно что-то с этим делать, Артём, – я вздыхаю, чувствуя, как злость сменяется усталостью. – Скоро бал. Все будут парами. Мы будем выглядеть как два неудачника, которые застряли в детстве.

Я криво усмехаюсь и, чтобы разрядить обстановку, ляпаю первое, что приходит в голову:

– Слушай, а давай заключим пакт? Если до бала мы оба не найдём пары, то спасём друг друга от тоски и пойдём на этот дурацкий праздник вместе. Как два почётных Снеговика.

Я жду, что он сейчас рассмеётся или отшутится про «гололёд головного мозга». Но Артём замирает. Он медленно переводит взгляд на меня, и в глубине его зрачков я вижу что-то такое, от чего у меня перехватывает дыхание.

– Давай, – говорит он серьёзно, без тени улыбки. – По рукам.

– Но я пошутила...

– А я – нет.

Мы соприкасаемся ладонями прямо над столом. Его пальцы тёплые, кожа к коже. В этот момент я чувствую странное облегчение, смешанное с ужасом. Я только что официально узаконила нашу близость, которая пугает меня до смерти.

Колокольчик над дверью требовательно звякает, впуская в кафе порцию морозного пара. В помещение вваливается шумная компания. В центре – Наташа, «Королева» местного разлива, чья популярность в нашей школе граничит с культом.

Она направляется прямо к нашему столику. Я инстинктивно вжимаюсь в шарф. Наташа игнорирует меня так виртуозно, будто я – предмет мебели, и кладёт руку на плечо Артёма.

– Ларин, вот ты где! – её голос звучит сладко. – Мне срочно нужна твоя помощь с организацией вечеринки. Ты же главный по футболистам, а нам нужны крепкие руки таскать аппаратуру. Не откажешь?

Артём не убирает её руку. Он смотрит на неё, потом на меня, и я вижу, как на его лице появляется ленивая ухмылка.

– Ну, раз королева просит... – тянет он.

Наташа наклоняется к самому его уху и что-то шепчет. Я не слышу слов, но вижу, как Артём улыбается. Не мне. Ей.

– Договорились, – говорит он.
Внутри меня что-то обрывается.

Глава 4

Декабрь – это ловушка. Он расставляет капканы из гирлянд, маскирует ямы мишурой и оглушает звоном колокольчиков, чтобы ты потеряла бдительность.

Я стою на крыльце школы и чувствую, как морозный воздух заползает под воротник. Ветер швыряет в лицо колючую снежную крупу, но мне всё равно. Внутри меня бушует пожар, от которого плавится лёд, но легче не становится. Только больнее.

Перед глазами всё ещё стоит картинка из кафе: рука Наташи на его плече, ленивая ухмылка, предательское «Договорились».

Пора признать – Артём мне нравится.

Но я никому об этом не скажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.